
Олеся Сагер
Город раненых иллюзий

Олеся Сагер

Город раненых иллюзий

«Автор»
2026

Сагер О.

Город раненых иллюзий / О. Сагер — «Автор», 2026

Санкт-Петербург дарит красивые сказки, но забирает за них непомерную плату. Пережив сокрушительный разрыв с утонченным актером Андреем, журналистка Саша оказывается на дне эмоционального анабиоза. В её холодный мир врывается Игорь — харизматичный боксер-тяжеловес. Надежный и любящий, он окружает Сашу теплом и учит заново доверять. Но на пике триумфа «абсолютный защитник» наносит ей самый грязный, запрещенный прием прямо в обнаженную душу. В ночь страшного предательства спасением становится Дима — лучший друг, безответно влюбленный в Сашу со студенчества. Одна безумная ночь утешения меняет всё. Испугавшись силы чужих чувств, Саша объявляет близость ошибкой и выставляет Диму за дверь, пытаясь спасти дружбу. Сбегая от унизительной тоски, Дима совершает роковой шаг — начинает роман с младшей сестрой Саши, Милой, её пугающе точной зеркальной копией. Но можно ли отогреться в лучах суррогатного солнца, если в каждом поцелуе ищешь другую?

© Сагер О., 2026
© Автор, 2026

Олеся Сагер
Город раненых иллюзий

Глава 1. Кофе с привкусом кулис

Существуют города, в которые не приезжают просто так — в них сбегают. Для Саши Санкт-Петербург никогда не был просто точкой на карте или культурной столицей из учебников географии. Он был её личной идеей фикс, далеким гранитным маяком, который светил ей сквозь серые будни маленького, провинциального городка. Там, на родине, жизнь текла лениво и предсказуемо, как вода в заросшем пруду. Соседи строили понятные планы, мамы учили дочерей быть «практичными», а фраза «где родился, там и пригодился» висела над каждым домом как негласный закон.

Но Саше всегда было тесно. Её задыхающиеся амбиции не помещались в узкие рамки местной реальности. Она знала, что рождена для текстов, для живых историй, для запаха свежей газетной краски и стука клавиш по ночам. А писать обо всем этом хотелось только здесь — на фоне разводных мостов, строгих фасадов и бесконечных дворов-колодцев.

Она решилась на этот шаг в один из самых обычных вторников. Саша просто проснулась в пять часов утра от того, что ей физически не хватало воздуха в собственной комнате. Накануне вечером состоялся очередной тяжелый разговор с мамой, которая в сотый раз твердила, что журналистика — это «не профессия для приличной девушки», и требовала, чтобы Саша шла работать секретарем в местную администрацию.

Саша села на кровати, посмотрела на бледный рассвет за окном и поняла: если она не уедет сейчас, то не уедет никогда. Она вытащила из-под матраса старую жестяную коробку из-под печенья. Там лежали старательно, по копейке отложенные деньги — заработок от редких заметок в местную «районку» и сэкономленные на студенческих обедах рубли. Сумма была смехотворной для большого города, но в пять утра Саше казалось, что она держит в руках весь мир. Нажав всего несколько кнопок на стареньком ноутбуке, она купила билет на ночной поезд до Московского вокзала. Обратного пути не было.

И вот теперь Санкт-Петербург встречал её своим классическим, слегка надменным гостеприимством. Когда Саша сошла с поезда, город с ходу швырнул ей в лицо мелкую, острую изморось, которая мгновенно превратила её аккуратно уложенные волосы в пушистое, непослушное облако. Пронзительный ветер, казалось, дул сразу со всех четырех сторон, пробирая сквозь недорогое осеннее пальто. Петербург словно проверял приезжую девчонку на прочность, с первого взгляда срывая с неё остатки провинциальной наивности.

В правом кармане пальто Саша покрепче сжала новенький, еще пахнущий типографией блокнот, а в левом — завернутые в платок остатки денег. После того как она прямо с вокзала съездила на окраину города и оплатила первый месяц аренды крошечной, угловатой комнаты в коммуналке на общей кухне, финансов осталось впритык. Ей едва хватало на скромную еду на ближайшие три недели. Комната встретила её ободранными обоями, запахом старого дерева и эксцентричным соседом-пенсионером, который с порога подозрительно оглядел её чемодан и проворчал что-то про «понаехавших студентов».

Но Сашу это не пугало. В её двадцать лет страх начисто заглушался пьянящим, острым чувством свободы. Ей казалось, что этот огромный, суровый город просто обязан покориться её напору. Она оставила вещи в своей новой угрюмой обители и сразу же отправилась пешком на Петроградскую сторону — туда, где, по слухам, располагались редакции нескольких независимых молодежных изданий. Она шла, задирая голову к величественным фасадам, и шептала про себя: «Я смогу. Вы меня еще узнаете».

Однако реальность быстро охладила её пыл. За первые три часа Саша успела обойти две редакции, и в обеих её встретили вежливым, но ледяным отказом. Главный редактор газеты

«Невский пульс» — уставший мужчина с чашкой остывшего чая — даже не стал читать её наброски.

— Девушка, у нас штат укомплектован. Оставьте контакты секретарю, если что-то освободится — мы звякнем, — бросил он, не поднимая глаз от монитора.

Выйдя на улицу, Саша почувствовала, как к горлу подступает горький комок. Дождь к полудню припустил сильнее, превращаясь в сплошную стену и загоняя редких прохожих под козырьки крыш. Пальто промокло насквозь, ноги в осенних ботинках закоченели. Саша, отчаянно борясь со слезами разочарования и слабости, юркнула в первую попавшуюся полуподвальную дверь, над которой тускло горела вывеска «Кофе и книги»…

Дверь закрылась за Сашиной спиной, отсекая шум ледяного ливня и гул проезжающих по проспекту машин. Наверху остался чужой, суровый город, а здесь, внизу, время словно замедлило свой ход. Саша сделала глубокий вдох. Пахло обалденно: свежемолотой арабикой, корицей, топленым молоком и сухими книжными страницами. Зал был крошечным — всего пять или шесть круглых деревянных столиков, мягкие кресла с потертой бархатной обивкой и стеллаж у стены, доверху забитый книгами с пожелтевшими корешками.

За стойкой бариста — сонный парень с тонкими татуировками на руках — лениво протирал бокалы. Саша подошла, сосчитала в уме оставшуюся мелочь и тихо попросила:

— Американо, пожалуйста. Без сахара.

Она выбрала столик в самом дальнем углу, прямо у небольшого горизонтального окна, выходившего на уровне тротуара. Отсюда были видны только мокрые колеса машин и спешащие, завернутые в плащи ноги прохожих. Саша сняла мокрое пальто, повесила его на спинку стула и достала свой блокнот. Пальцы всё еще слегка подрагивали от холода и пережитого унижения в редакции. «Девушка, у нас штат укомплектован…» — фраза главного редактора до сих пор стояла в ушах, как пощечина.

Саша открыла чистую страницу, взяла ручку и попыталась сосредоточиться. Ей нужно было переписать черновик статьи, сделать его острее, сильнее, чтобы в следующем издании её точно не смогли выставить за дверь. Она вычеркивала строчки, ломала карандашный грифель, злилась на себя и на весь этот гранитный Петербург, который оказался слишком глух к её амбициям.

Прошел час, может, чуть больше. Остывший черный кофе на дне чашки покрылся тонкой пленочкой. Саша так сильно зарылась носом в свои заметки, что полностью отключилась от реальности. До тех пор, пока колокольчик над входной дверью не звякнул с бешеной, истеричной силой.

В кафе буквально влетел парень. Он тяжело дышал, с его куртки ручьями стекала вода, а огромный, нелепый шарф крупной вязки был перекошен на одну сторону. Из его кармана торчала пачка сильно размокших листов, исписанных печатным текстом. Парень ошалело оглядеся по сторонам, встретился взглядом с недовольным бариста и, заметив Сашу в углу, решительно направился к её столику.

— Девушка, ради всего святого, простите, у вас свободно? — его голос был хриплым, но удивительно глубоким, с красивыми актерскими интонациями. — Бариста смотрит на меня так, будто я обязан выпить весь их запас молока, чтобы просто погреться. А я… я только что с кастинга. И если я проведу на этой улице еще пять минут, то окончательно превращусь в сосульку.

Саша подняла глаза. Перед ней стоял человек, который выглядел как абсолютное олицетворение питерского творческого хаоса. Его темно-русые волосы были нелепо взъерошены и прилипли ко лбу, на переносице виднелась забавная горбинка, но самое главное — глаза. Большие, серые, лихорадочно блестящие. В них горел точно такой же голодный, фанатичный

огонь, какой Саша видела в своем отражении каждое утро. Огонь провинциала, который приехал побеждать, получил первый удар под дых, но еще не понял, что нужно сдаться.

Саша невольно улыбнулась, тепло разлилось где-то внутри, вытесняя боль от недавнего отказа:

— Свободно. Садитесь. Меня этот парень за стойкой тоже сначала принял за нарушителя спокойствия.

Парень с глухим, блаженным вздохом облегчения рухнул в соседнее кресло. Он начал судорожно разматывать свой гигантский шарф, который, казалось, занимал половину стола, и протянул Саше широкую, теплую ладонь:

— Дима. Будущий великий актёр, а на сегодняшний день — профессиональный неудачник на просмотрах. Только что запорол третий тур в труппу молодежного театра. Режиссер — старый сухарь — посмотрел на меня и сказал, что во мне «недостаточно внутреннего трагизма» для роли. Представляете? Во мне! Да я сегодня пешком через Троицкий мост шел в дырявых ботинках под этим ливнем — куда уж, черт возьми, трагичнее?!

Саша не выдержала и звонко, искренне рассмеялась на всё кафе. Его абсолютная, бьющая через край самоирония мгновенно разбила её собственное оцепенение. Она крепко пожала его руку в ответ:

— Саша. Будущий великий журналист. И меня сегодня тоже выставили из редакции «Невского пульса», даже не взглянув на тексты. Так что, Дима, мы с тобой коллеги. Два провинциальных десанта, получивших по носу в первый же день.

Дима мгновенно просиял. Вся его напускная унылость слетела, уступив место бешеной, брызжущей энергии. Он подался вперед, отперевшись локтями о стол:

— Журналист? Потрясающе! Слушай, Сашка, это знак. Этот город проверяет нас «на вшивость». Он всегда так делает, мне старшекурсники рассказывали. Он бьет под дых, смотрит, заплачешь ты или нет. Если заплачешь — сожрет и не заметит. А если посмеешься — начнет присматриваться.

Они проговорили три часа, которые пролетели как одна минута. Бариста уже перестал коситься на них, поняв, что эти двое нашли друг друга. Дима с жаром, активно размахивая руками и едва не сбивая пустые чашки, рассказывал про систему Станиславского, про то, как мечтает сыграть Гамлета на сцене БДТ так, чтобы зал задохнулся от восторга, про свои нелепые провалы на экзаменах. Саша, сама от себя не ожидая такой смелости, делилась с ним своими мыслями, читала вслух наброски статей из блокнота.

Между ними с первых секунд возникла та редкая, звенящая химия, которую люди, не знающие жизни, часто путают с любовью. Но Саша, обладая врожденным психологическим чутьем, сразу поняла: это другое. Это было абсолютное, безусловное родство душ. Словно они знали друг друга тысячу лет. Словно они выросли в одном дворе, делили одни игрушки и вместе сбежали в этот город.

— Знаешь, Сашка… — Дима вдруг замолчал, его голос стал тише, а взгляд — серьезным и непривычно мягким. Он вытащил из кармана купленное на последние копейки шоколадное печенье, аккуратно разломил его пополам и протянул ей большую часть. — Мне кажется, мы с тобой прорвемся. Этот город нас, конечно, покрутит, поломает, побьет о свои гранитные набережные. Но мы не сдадимся. Давай заключим пакт? Ты отныне — мой личный, самый главный и преданный зритель. А я — твой первый и самый верный информатор из театрального закулисья. Идёт?

— Идёт, — Саша тепло улыбнулась, принимая печенье. Их пальцы на секунду соприкоснулись, и Саша почувствовала, как по коже пробежал легкий ток.

В глазах Димы в этот короткий миг промелькнуло что-то еще — странная, глубокая, какая-то обреченная нежность, от которой он тут же отвел взгляд, словно испугавшись собственной смелости. Но Саша, увлеченная своими мыслями о будущем успехе, о Питере, о ста-

тьях, этого не заметила. Для неё Дима в этот вечер стал самым близким, самым родным человеком в этом чужом, холодном мегаполисе. Братом, которого у неё никогда не было. Её личным ангелом-хранителем в нелепом, мокром шарфе.

Тот третий тур в труппу Молодежного театра Дима не просто запорол — он с треском провалился в собственное, персональное пекло. Старый, покрытый мхом режиссер посмотрел на его монолог Меркуцио, поморщился, как от острой зубной боли, и изрек своим казенным, сухим баритоном: «В вас, молодой человек, недостаточно внутреннего трагизма. Слишком много поверхностного шутовства. Вы не держите паузу».

Дима вылетел из здания театра на набережную Фонтанки, не помня себя от унижения и глухой, кипящей злости. Трагизма им, видите ли, мало. Эти рафинированные питерские эстеты понятия не имели, каково это — третью неделю жрать пустой рис в общаге, ходить по городу в дырявых ботинках, в которых ледяная жижа хлюпает при каждом шаге, и понимать, что если ты не зацепишься за этот театр, придется возвращаться в свой заплеванный провинциальный городок никем. Поражение пахло мокрым асфальтом, простудой и дешевым табаком. Дима намотал свой огромный вязаный шарф до самого носа и пошел через мост на Петроградку, надеясь просто согреться.

В то полуподвальное кафе он влетел от безысходности — у него окончательно онемели пальцы ног. Ему нужно было несколько минут тепла. Сонный бариста посмотрел на него как на бродягу, и Дима уже собирался развернуться и уйти обратно под ливень, как вдруг его взгляд зацепился за девчонку в самом дальнем углу.

Она сидела у окна, низко склонившись над блокнотом. Из-под мокрого воротника её дешевого пальто выбивались смешные, пушистые от сырости русые волосы, похожие на одуванчик. Но поразило Диму другое. Она так яростно, с ожесточением вычеркивала что-то в своих записях, так упрямо сжимала бледные губы, что он мгновенно узнал в ней этот чертов, знакомый до боли взгляд. Взгляд человека, которого только что сильно приложили лицом об гранит, но который ни за что на свете не покажет окружающим, что ему больно.

Дима пошел к её столику напролом, как лунатик на свет. Ему физически, до дрожи необходимо было сесть рядом с кем-то, кто дышал с ним одним и тем же отчаянием.

Когда она подняла на него свои огромные, чистые глаза, у Димы внутри словно оборвался какой-то важный внутренний трос. Она улыбнулась. Просто, открыто, без этой душной театральной фальши, от которой его уже подташнивало на просмотрах.

За те три часа, что они просидели над её остывшим американо, Дима вывернул перед ней всю свою изнанку. Он шутил, активно размахивал руками, читал монолог Гамлета и играл, возможно, свой лучший и самый честный спектакль в жизни. Ему отчаянно, до судорог хотелось снова и снова слышать её звонкий, искренний смех — потому что каждый раз, когда эта девочка смеялась, серый и чужой Петербург за окном казался чуточку теплее.

Он разломил то несчастное печенье, протянул ей большую половину и предложил пакт. Дима улыбался, переводил всё в шутку, но когда их пальцы на секунду соприкоснулись, его прошибло настоящим электрическим током. В глазах Саши промелькнуло абсолютное, безопасное доверие. Она смотрела на него как на обретенного брата, как на лучшего друга, который спас её от питерского одиночества.

И именно в эту секунду Дима понял, что попал в самый страшный, пожизненный и добровольный капкан.

Он смотрел на её тонкие пальцы и понимал: он никогда не сможет стать ей братом. Эта девочка с промокшим блокнотом только что стала его главным зрителем и его единственным центром тяжести в огромном мегаполисе. Он осознавал, что будет терпеть её «дружбу», будет покорно носить ей чай в термосе, перетаскивать коробки при переездах и часами выслушивать восторженные рассказы о других мужчинах — лишь бы иметь право просто быть рядом и защищать её.

Он еще не знал, через какой ад ему придется пройти ради этого её счастья. И какую цену ему придется заплатить за право оставаться её единственным ангелом-хранителем в нелепом, мокром шарфе.

Их пакт о взаимовыручке прошел проверку на прочность гораздо быстрее, чем оба могли предположить — ровно через неделю после встречи в полуподвальном кафе.

В тот четверг Дима ворвался в её тесную коммуналку без предупреждения, взбудораженный, с дико горящими глазами. Он буквально силой заставил Сашу отложить конспекты, завернуться в теплое пальто и потащил её на ночь глядя в промышленную зону у Обводного канала. Там, в полузаброшенном кирпичном ангаре бывшего газового завода, питерские студенты-театралы устраивали закрытый, подпольный показ пьесы молодого и дико скандального режиссера. Показ был неофициальным, без цензуры, «для своих», и Дима шептал Саше на ухо, пока они шли мимо ржавых железнодорожных путей, что для будущего репортера это — чистая золотая жила.

Внутри ангара было сыро, пахло мазутом, старым железом и дешевым табаком. Вместо кресел — деревянные строительные поддоны, вместо софитов — строительные прожекторы на штативах, бросающие резкие, рваные тени на голые кирпичные стены. Набилось человек сорок: богема, неформалы, непризнанные гении в растянутых свитерах. Саша сидела рядом с Димой, вжавшись в его плечо, чтобы согреться, и лихорадочно записывала в блокнот свои первые хлесткие ощущения.

Спектакль был диким, ломаным, на грани фола и истерики. Но досмотреть его им не дали.

В самый разгар третьего акта, когда актеры на сцене перешли на крик, в ангар с грохотом ввалилась охрана здания вместе с разъяренным владельцем территории, который, как выяснилось, понятия не имел, что его точку сдали под подпольный театр. Зажегся общий, грязный свет. Начался хаос. Режиссер — пьяный, длинноволосый парень со впалыми щеками — бросился в драку с охраной, защищая декорации. Зрители с криками ломанулись к узкому выходу.

Сашу в этой давке сильно толкнули. Она потеряла равновесие, выронила блокнот и больно ударилась плечом о железную балку. В этот момент к ней, тяжело дыша, подлетел тот самый пьяный, потерявший над собой контроль режиссер. Ослепленный яростью, он принял Сашу с её диктофоном в руке за засланного репортера из бульварной прессы, который пришел состряпать грязный донос.

— Ах ты тварь, снимаешь?! Материал ищешь?! — взвыл он, замахиваясь на неё тяжелой бутылкой из-под вина.

Саша испуганно зажмурилась, инстинктивно закрывая голову руками. Но удара не последовало.

Дима вырос между ними мгновенно, словно соткался из воздуха. Со своим нелепым ростом и тонкими запястьями он выглядел хрупким против бешеного режиссера, но в его серых глазах в эту секунду не было ни капли страха — только дикая, злая решимость. Дима наотмашь перехватил руку парня, жестко заломил её вниз и с силой впечатал дебошира в кирпичную стену, закрывая Сашу своим телом.

— Только дернись к ней, падла, — прорычал Дима совсем чужим, низким и пугающе спокойным голосом. — Я тебе твои руки творческие прямо здесь переломаю. Валим, Сашка, беги!

Они вылетели из ангара в питерскую ночную темноту, тяжело дыша и спотыкаясь о гравий. Дождь хлестал им в лица, но они бежали, держась за руки, пока не выскочили к освещенному Обводному каналу. Остановившись под тусклым фонарем, они посмотрели друг на друга — мокрые, грязные, испуганные — и вдруг одновременно, безудержно расхохотались на всю набережную. Дима бережно осмотрел её ушибленное плечо, аккуратно стряхнул грязь с

её пальто и протянул ей... её блокнот, который он успел выхватить из-под ног толпы в самый последний момент.

В ту же ночь Саша, сидя на подоконнике в коммуналке под методичный стук капель по отливу, написала свой первый настоящий, оглушительный репортаж. Это был не просто пересказ облавы — это был глубокий, злой и невероятно живой текст о «поколении Обводного канала», о молодых людях, которые задыхаются без свободы и ищут её в грязных ангарах. Текст дышал Питером, мазутом и искренностью.

В понедельник утром Саша снова пришла в «Невский пульс». Она молча положила распечатанный материал на стол главному редактору. Тот самый уставший мужчина с чашкой остывшего чая угрюмо взял листы, пробежал глазами первые строчки, потом выпрямился, дочитал до конца в полной тишине и медленно поднял на Сашу взгляд.

— Твой текст? — спросил он, прищурившись.

— Мой.

Редактор долго молчал, барабаня пальцами по столу, а потом хмыкнул и кивнул на свободный стул в углу:

— Садись, Сашка-журналистка. В четверг этот репортаж идет на передовицу. Считай, что ты на внештате. Иди к секретарю, оформляй пропуск.

Саша вышла из редакции, едва сдерживая победный крик. Первым делом она набрала Диму. Когда она, задыхаясь от счастья, прокричала в трубку: «Димка, нас берут! Передовица!», он на том конце провода заорал так, что, кажется, сорвал голос, и пообещал, что сегодня вечером они купят самое дорогое пирожное в кондитерской у метро.

В это мгновение, переходя дорогу на заполненном машинами Невском проспекте, Саша поняла: этот суровый, гранитный город больше не сможет её выплюнуть. Потому что у неё появился он.

Первые два года в Санкт-Петербурге пролетели для Саши в бешеном, изматывающем ритме. Город больше не пытался раздавить её с ходу своим гранитным величием; он словно присмотрелся к этой упрямой, вечно промокшей девчонке и, неохотно разжав тиски, пустил её на свой порог. Из робкой первокурсницы с копеечным американо в руках она постепенно превращалась в хваткого, зубастого внештатного корреспондента газеты «Невского пульса». Тот самый уставший главный редактор, который когда-то выставил её за дверь, теперь сам иногда звонил ей со словами: «Сашка, есть горящая тема, только ты сможешь раскопать». Денег по-прежнему не хватало, но её имя на страницах издания появлялось всё чаще, принося пьянящее чувство победы.

Настоящее боевое крещение Саша получила на исходе первого года работы, когда главный редактор «Невского пульса» швырнул на её стол папку с анонимным письмом. Речь шла о частном ночном приюте для бездомных на окраине промышленной зоны за Нарвской заставой. Аноним утверждал, что под вывеской благотворительного фонда скрывается полулегальный распределитель, где у беспомощных людей силой отбирали документы, пособия и заставляли бесплатно работать на подпольном швейном производстве.

— Тема расстрельная, Сашка, — угрюмо сказал тогда редактор, раскуривая сигарету. — Официально туда прессу не пустят. Нужен шпионский заход изнутри. Но учти: если поймают — я тебя не знаю, редакция ни при чем. Пойдешь?

У Саши бешено заколотилось сердце, но в глазах загорелся тот самый голодный репортерский азарт.

— Пойду, — коротко бросила она.

Конечно, Диме она ничего рассказывать не собиралась — знала, что он встанет насмерть и никуда её не пустит. Но Дима, обладавший феноменальным чутьем на её безумные авантюры, вычислил всё за пять минут, просто карауля её у входа в редакцию. Когда Саша вышла на

крыльцо в старой, заношенной куртке-робе, с размазанной по лицу серой пудрой (для создания образа бродяги), Дима уже ждал её у своей старенькой, дребезжащей «копейки», которую он недавно купил на общие студенческие заработки.

— Саш, ты дура или да? — спокойно спросил он, преграждая ей путь. — В «Ночной приют» на Нарвской? Одна? Да тебя там в первый же вечер на ветошь пустят. Садись в машину, я еду с тобой.

— Димка, это моё расследование! Тебе нельзя со мной, ты всё испортишь своим театральным лицом! — злилась она, пытаясь обойти его.

— Я не порчу, я создаю массовку, — Дима силой запихнул её на переднее сиденье. — Я буду твоим немым братом-инвалидом, которого ты привела погреться. Поверь моему актерскому таланту, Сашка, Станиславский на том свете будет аплодировать стоя.

Туда они приехали в глухие ноябрьские сумерки. Приют располагался в мрачном трехэтажном здании бывшего советского профилактория, окруженного глухим бетонным забором. Внутри пахло гнилой капустой, мокрой шерстью и дешевыми дезинфекторами. Дима сыграл свою роль безупречно: он шел, волоча правую ногу, уставившись в пол тупым, невидящим взглядом и периодически хрипло подкашливая. Комендант приюта — плотный мужчина с лицом бывшего надзирателя — подозрительно осмотрел их, забрал Сашин фальшивый паспорт на имя «Александры Ивановой» и кивнул на подвал:

— Мужской корпус направо, женский — налево. Ночью из палат не высовываться. Кормёжка утром.

Ад разверзся в три часа ночи. Саша, дождавшись, пока по коридору пройдет сонный охранник, тихо выскользнула из палаты. В её рукаве был спрятан крошечный диктофон, купленный на Димины сбережения. Пробираясь по темным, сырым коридорам подвала, она услышала мерный, монотонный стук швейных машинок. Прокравшись к полуоткрытой железной двери, Саша замерла: в огромном душном помещении при тусклом свете ламп десяток изможденных людей в лохмотьях строчили брезентовые рукавицы. У двери стоял охранник с резиновой дубинкой.

Саша подняла диктофон, ловя звуки, и судорожно сделала несколько снимков на старую мыльницу без вспышки. Картонная коробка под её ногой предательски хрустнула.

Охранник обернулся мгновенно.

— Эй! Кто там?! Стоять! — рявкнул он, бросаясь в коридор.

Саша побежала так, как не бегала никогда в жизни. Страх сковал легкие, ноги скользили по мокрому кафелю. Она выскочила в центральный холл, но там её уже ждал второй охранник, вызванный по рации. Путь к выходу был отрезан. Сашу грубо схватили за шиворот, выкручивая руку. Диктофон с глухим стуком вылетел на пол.

— Ишь ты, крыса репортерская! Документы у неё фальшивые! На кого копаешь, дрянь? — комендант приюта, невесть откуда взявшийся в темноте, с размаху влепил Саше хлесткую пощечину. В глазах у неё поплыли багровые круги, из разбитой губы пошла солоноватая кровь. — Разбивай кассету, а девку в каптерку, утром разберемся.

— Руки от неё убрал, урод, — раздался из темноты коридора ледяной, вибрирующий от бешеной ярости голос.

Дима вырос перед комендантом, полностью растеряв свой образ «немого инвалида». В его руках была тяжелая железная монтировка, которую он успел притащить из багажника «копейки». На его лице не было ни капли страха — только первобытная, злая решимость защитить свою Сашку.

— Сделай еще шаг, козел, и я тебе череп вскрою этой железкой, — тихо произнес Дима, и в его глазах горел такой бешеный огонь, что охранники невольно отступили на полшага.

Дима действовал молниеносно. Одним мощным ударом монтировки он сбил с ног ближайшего амбала, перехватил Сашу за талию и швырнул ей под ноги... её упавший диктофон.

— Хватай и беги к машине, Сашка! Заводи! — заорал он, принимая на себя удар второго охранника.

Саша, шатаясь от боли и головокружения, подхватила технику, вылетела через стеклянную дверь прихожей во двор и запрыгнула на водительское сиденье «копейки». Руки дрожали, ключ никак не попадал в зажигание. Через минуту из дверей приюта вылетел Дима — его куртка была разорвана, на лбу багровела глубокая ссадина, но он тяжело дышал и победно скалился. Он прыгнул на пассажирское сиденье, и «копейка» с диким визгом резины сорвалась с места, пробивая хлипкие деревянные ворота приюта.

Они остановились только через тридцать километров, на пустынной набережной Обводного канала. В салоне воняло паленым маслом, печка работала на ладан.

Дима откинулся на сиденье, тяжело дыша. На его лбу набрякала кровь, пачкая тот самый нелепый вязаный шарф. Саша молча достала из сумочки платок, повернулась к нему и бережно, сдерживая рыдания, начала стирать кровь с его лица.

— Димка... Димка, прости меня, — шептала она, слезы наконец хлынули из её глаз, смывая серую пудру. — Из-за меня тебя чуть не убили... Зачем ты полез?

Дима перехватил её дрожащую руку, аккуратно сжал её пальцы и горько, но так тепло улыбнулся своими разбитыми губами:

— Дура ты, Сашка-журналистка. Да я за тебя любого в этот асфальт питерский закатаю. Ты только живи. И пиши свои тексты. А я прикрою. Всегда прикрою.

Репортаж «Ночной приют: рабство под вывеской благотворительности» вышел в «Невском пульсе» через два дня и произвел эффект разорвавшейся бомбы. Приют закрыли, коменданта взяли под стражу, а Сашу официально перевели в штат на ставку ведущего спецкора. Это была её оглушительная, первая взрослая победа в профессии. Но каждый раз, глядя на свой именной пропуск, Саша помнила, какой ценой досталась эта победа. Она досталась ценой Диминой крови и его абсолютной, молчаливой верности, которую она продолжала принимать как должное, слепо называя это просто «дружбой».

Все эти два года Дима неизменно оставался её главной и единственной точкой опоры. Он прочно, пустив глубокие корни, занял место самого близкого человека в её жизни. Дима помогал ей таскать тяжелые коробки с книгами и старыми подшивками журналов при бесконечных переездах из одной жуткой коммуналки в другую.

Особенно Саше запомнился их четвертый по счету переезд, случившийся в конце её второго курса. Это была крошечная, угловатая комната в раскидистой, как лабиринт, тринадцатикомнатной коммуналке на 18-й линии Васильевского острова. Место дышало классическим питерским упадком: бесконечный темный коридор, заставленный проржавевшими велосипедами, сундуками и мешками с картошкой, вечно капающий, покрытый известковым налетом кран на общей кухне и колоритные соседи, которые с порога обдали Сашу подозрительными взглядами.

Сама комната встретила её клочьями грязно-бурых обоев, слоями вековой пыли и унылым видом из окна на глухую кирпичную стену соседнего дома. Но Сашу, окрыленную первыми гонорарами в «Невском пульсе», это не пугало.

— Ничего, Сашка, из этого склепа мы сделаем королевские палаты, Станиславский бы одобрил! — авторитетно заявил Дима, с грохотом втаскивая в комнату последнюю, перевязанную бечевкой коробку с её студенческими учебниками.

Они потратили последние копейки на два ведра дешевой водоэмульсионной краски, кособокие валики и пакет пирожков с капустой. Дима, нацепив на голову смешную треуголку, сложенную из свежего номера «Невского пульса», и закатав рукава старой фланелевой рубашки, с энтузиазмом взялся за дело. Саша выбрала для стен странный, пронзительно-яркий васильковый цвет — ей отчаянно хотелось компенсировать вечную серую хмурость за окном.

В комнате пахло свежей, сырой известью, мокрым мелом и сладким тестом пирожков. Старая магнитола, выставленная на подоконник, хрипела ломаным джазом, а за стеклом лениво плыл стандартный питерский туман.

— Сашка, левее бери, у тебя там проплешина! — командовал Дима, балансируя на шатком деревянном табурете и прокрашивая угол у самого лепного потолка.

— Сам ты проплешина, артист! Ты себе ухо васильковым вымазал, — рассмеялась Саша, оборачиваясь к нему.

Дима развернулся, картинно прижал руку к сердцу, едва не выронив валик, и начал декламировать Отелло, уморительно подкатывая глаза под лоб. Саша, не выдержав этой пантомимы, звонко, на всю коммуналку расхохоталась. В разгар своего смеха она шутливо ткнула кончиком поролонового валика прямо ему в нос, оставив на переносице яркое синее пятно.

Дима замер, на секунду округлив глаза от неожиданности, а затем на его лице расплылась шальная, мальчишеская улыбка.

— Ах так, пресса? Объявляю театральную войну! — взревел он.

Следующие полчаса превратились в сплошной, сумасшедший хаос. Они носились по пустой комнате вокруг коробок, пачкая друг друга краской, смеясь до колик в животе и начисто забыв о суровых соседях за дверью. Когда силы окончательно иссякли, они обессиленно рухнули прямо на расстеленные на полу чистые листы газет, прижавшись плечами друг к друг.

Их одежда была в синих пятнах, русые волосы Саши слиплись от извести, а на щеке Димы красовался размазанный васильковый мазок. Они тяжело, прерывисто дышали, глядя в высокий потолок, где медленно подсыхала краска. В комнате воцарилась удивительная, теплая и звенящая тишина. В салоне их маленькой вселенной было так безопасно, словно штормы большого города не могли их коснуться.

Дима медленно повернул голову. Его взгляд, лишенный привычного шутовства, остановился на Сашином профиле. Он смотрел на её испачканный нос, на то, как тяжело вздымается её грудь под свитером, и в его глазах на короткий миг снова вспыхнула та самая глубокая, обреченная нежность, от которой перехватывало дыхание. Он осторожно, едва прикоснувшись пальцами, убрал с её лба испачканную известью прядь волос.

Саша повернулась к нему, поймала этот странный, замерший взгляд и тепло, доверчиво улыбнулась ему:

— Димка... Ну что бы я без тебя делала в этом городе? Ты мой самый лучший, самый верный человек. Брат мой.

Дима сглотнул ком, его пальцы незаметно сжались в кулак прямо на газете. Его лицо на долю секунды дрогнуло, но он мгновенно вернул на губы свою привычную, легкую актерскую усмешку, пряча за ней рвущийся наружу крик.

— Куда ты денешься без своего ангела-хранителя, журналистка, — тихо ответил он, поднимаясь с пола и протягивая ей руку, чтобы помочь встать. — Ладно, пошли кружки мыть на эту адскую кухню, пока соседи нам бойкот не объявили.

Саша вложила свою ладонь в его теплую руку, легко поднимаясь и увлеченно рассуждая о том, куда они поставят письменный стол. Она была абсолютно, слепо счастлива в этой новой васильковой комнате, совершенно не замечая, как Дима, идя на полшага позади неё, бережно прячет свои испачканные краской руки в карманы, чтобы скрыть крупную дрожь в пальцах...

Он приносил горячий облепиховый чай в термосе, когда она простужалась после питерских сквозняков, и покорно, часами выслушивал её сбивчивые пересказы будущих статей. Саша настолько привыкла к его безусловному, принимающему присутствию, что воспринимала его как воздух — естественно и незаметно. Ей и в голову не приходило, как замирал Дима каждый раз, когда она мимоходом касалась его плеча, и как бережно, до секунд, он хранил в памяти каждую их встречу. Она видела в нём брата. И это было его персональным проклятием.

Осень третьего года встретила Сашу затяжными дождями и глухой тоской по дому, которая обострялась после каждого разговора с матерью. Тот вечер воскресенья не стал исключением. Саша сидела на подоконнике своей новой комнаты на Васильевском острове, глядя, как капли прочерчивают косые линии на грязном стекле. Телефон в её руке завибрировал, и на экране высветилось слово «Мама». Саша сглотнула подступивший к горлу ком и нажала на кнопку приема.

— Да, мам, привет.

— Ну привет, Александра, — голос матери в трубке прозвучал сухо, с той самой привычной, режущей слух интонацией вечного недовольства. — Звоню узнать, жива ли ты там вообще. Сестра говорит, ты в своей газетенке опять какую-то статью выпустила. И сколько тебе за неё заплатили? Три копейки?

— Мам, это хорошая статья, про социальные приюты, — Саша попыталась защититься, чувствуя, как внутри привычно сжимается маленькая, испуганная девочка. — Меня редактор похвалил. И платят мне нормально, мне хватает...

— Хватает ей, — горько усмехнулась мать на том конце провода. — На хлеб с водой? Александра, тебе скоро двадцать три. Твоя двоюродная сестра в нашем городе уже квартиру в ипотеку взяла, замуж выходит за приличного человека, при должности. А ты всё романтику свою ищешь в чужих углах. Журналистка... Смех один. Ни кола, ни двора, ни мужа. Кому ты там нужна, в своем Питере? Хваткие там без тебя найдутся. Вернулась бы, пошла в администрацию, как я говорила. Хоть человеком бы стала, а не перекати-полем.

Саша слушала, и каждое слово матери, как ржавый гвоздь, вонзалось в её самооценку. Провинциальный комплекс неполноценности, который она так старательно глушила все эти годы, вспыхнул с новой, разрушительной силой.

— Я не вернусь, мам. У меня всё получится, — тихо, но твердо сказала Саша, хотя губы её дрожали.

— Ну-ну, надейся, — бросила мать перед тем, как повесить трубку. — Только когда останешься одна у разбитого корыта, мне не плачься.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Саша медленно опустила телефон. Слова матери «Кому ты там нужна?» эхом отзывались в голове. В этот момент она чувствовала себя ничтожно маленькой, глупой девчонкой, которая прыгнула выше головы и вот-вот сорвется вниз. Ей отчаянно, до боли нужно было доказать — и матери, и всему миру, и самой себе, — что она достойна любви, достойна внимания, что она может обладать чем-то невероятным, недосягаемым.

Именно в эту благодатную почву из боли, одиночества и уязвленной гордости через два дня упало известие от Димы о грядущей вечеринке и о том, что там будет он. Андрей. Мужчина с афиши, который казался Саше воплощением той самой недостижимой, роскошной питерской жизни, в которую её так жестоко не пускал собственный внутренний голос.

Глава 2. Сценарий для гадалки

Одержимость Андреем началась не с его громкого имени и не с восторженных отзывов в театральной прессе. Она началась промозглым октябрьским вечером, когда Саша, потратив последние деньги на билет в бельэтаж Александринского театра, пришла на премьеру драмы, где он играл главную роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.